

RU

Сказочные архетипы и их трансформация в повести А. П. Платонова «Котлован»

Лю Юэ

Аннотация. Статья посвящена анализу реинтерпретации сказочных архетипов в повести А. П. Платонова «Котлован» и их роли в формировании философско-критического содержания произведения. Цель исследования заключается в выявлении художественного механизма, посредством которого сказочная поэтика используется Платоновым для деконструкции утопического мифа и осмысления кризиса коллективного идеала эпохи. В статье рассматриваются ключевые архетипы и сюжетные модели русской народной сказки – образ героя-искателя, фигура волшебного помощника и мотив «иного царства», – которые в художественном мире «Котлована» подвергаются последовательной трансформации и инверсии. Научная новизна исследования заключается в новой интерпретации повести А. П. Платонова «Котлован», раскрывающей связь фольклорных элементов с философским подтекстом произведений писателя. Полученные результаты показали, что использование сказочных архетипов в повести «Котлован» носит пародийный и трагический характер: традиционные фольклорные модели утрачивают телеологическую направленность и утешительную функцию, превращаясь в средство художественного разоблачения утопических иллюзий. Трансформация сказочной структуры позволяет интерпретировать «Котлован» как сознательно выстроенную «антисказку», в которой поиск истины оборачивается экзистенциальным тупиком и разрушением надежд, что выявляет глубинное противоречие между утопической риторикой и человеческой реальностью.

EN

Fairy tale archetypes and their transformation in A. P. Platonov's novella "The Foundation Pit"

Yue Liu

Abstract. This article analyzes the reinterpretation of fairy tale archetypes in A. P. Platonov's novella "The Foundation Pit" and their role in shaping the work's philosophical and critical content. The aim of the study is to identify the artistic mechanism through which Platonov uses fairy tale poetics to deconstruct utopian myth and comprehend the crisis of the era's collective ideal. The article examines key archetypes and plot models of Russian folk tales – the image of the hero-seeker, the figure of the magical helper, and the motif of the "other kingdom" – which undergo consistent transformation and inversion in the artistic world of "The Foundation Pit". The scientific novelty of the study lies in the new interpretation of A. P. Platonov's story "The Foundation Pit", which reveals the connection between folklore elements and the philosophical subtext of the writer's works. The results demonstrate that the use of fairy tale archetypes in "The Foundation Pit" is parodic and tragic: traditional folkloric models lose their teleological direction and consoling function, becoming a means of artistically exposing utopian illusions. This transformation of the fairy tale structure allows us to interpret "The Foundation Pit" as a deliberately constructed "anti-fairy tale", in which the search for truth leads to an existential impasse and the destruction of hope, revealing a profound contradiction between utopian rhetoric and human reality.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном литературоведении усиливается потребность в точных моделях описания того, как художественный текст перерабатывает «коллективные» культурные формы (миф, фольклор, архетипы) и превращает их в инструмент историко-философской критики. Повесть А. П. Платонова «Котлован» относится к числу ключевых текстов XX века, которые продолжают интерпретироваться как произведения о природе утопического сознания и его разрушительных последствиях, однако при наличии многочисленных исследований по проблематике мифопоэтики и идеологической

критики остается методологически значимым вопрос: за счет каких именно поэтических механизмов утопическая риторика в тексте становится объектом художественного разоблачения.

Дополнительную остроту проблеме придает то, что сказочная поэтика в случае «Котлована» выступает структурным языком моделирования сюжета и образов: герой-искатель, «волшебный помощник», мотив «ино-го царства» образуют узнаваемую фольклорную матрицу, но у А. П. Платонова подвергаются инверсии и теряют свою утешительную функцию. Следовательно, возникает научно значимая задача: описать механизм пародийной (и трагической) трансформации архетипов как способ построения антиутопического смысла. Подобная постановка вопроса важна для современного литературоведения как вклад в более широкую проблему – как литература XX века переосмысляет традиционные повествовательные модели (в частности, сказочные) в ситуации кризиса больших обещаний и идеологических проектов. Также актуальность определяется и тем, что анализ сказочных архетипов в «Котловане» позволяет соединить несколько исследовательских перспектив, которые часто развиваются раздельно: платоноведение, фольклористику и теорию архетипа. Подобного рода синтез дает возможность системно показать, почему именно обращение к сказке становится для А. П. Платонова способом художественного мышления о современности и почему его культурные коды работают как инструмент деконструкции утопического мифа.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить основные сказочные архетипы и мотивы, актуализированные в повести А. П. Платонова «Котлован», и охарактеризовать их роль в формировании образной системы и сюжетной организации произведения.
2. Проанализировать особенности трансформации сказочных архетипов в художественном пространстве «Котлована», показав, каким образом традиционные фольклорные модели переосмысливаются, утрачивают утешительную функцию и приобретают трагическое, антисказочное звучание.
3. Показать, каким образом использование и деформация сказочной поэтики в «Котловане» служат средством философско-критического осмысления утопического мифа, отражая авторскую оценку коллективного идеала и исторического проекта эпохи.
4. Обобщить значение сказочных архетипов для интерпретации художественного мира повести «Котлован», уточнив их роль в раскрытии специфики платоновского художественного мышления.

Методология исследования основана на сочетании структурного, интертекстуального и сравнительно-сопоставительного методов анализа.

Структурный метод используется для выявления сказочных архетипов и мотивов в повести А. П. Платонова «Котлован» и анализа их роли в организации сюжета и образной системы произведения.

Интертекстуальный анализ применяется для установления связей текста «Котлована» с фольклорной традицией русской волшебной сказки и для выявления способов трансформации сказочных моделей в авторской прозе.

Сравнительно-сопоставительный метод используется при соотнесении мотивов и образов повести с соответствующими элементами русской народной сказки, что позволяет выявить специфику антисказочной поэтики и философско-критическое звучание произведения.

Материалами для исследования послужили повесть А. П. Платонова «Котлован» (2011a) и сказки А. Н. Афанасьева (1985).

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные поэтике сказки, теории архетипа и проблемам художественного мышления. В работе используются положения философско-символической интерпретации сказки, сформулированные Е. Н. Трубецким (1922), прежде всего идея сказки как формы выражения мировоззренческих и ценностных представлений культуры. Существенное значение для анализа структуры сказочных мотивов имеет морфологический подход В. Я. Проппа (2000; 2001), позволяющий рассматривать сказочные функции и архетипические роли как устойчивые элементы повествовательной модели, подлежащие художественной трансформации. Работа Е. М. Неёлова (1986) используется для обоснования проникновения фольклорно-сказочных структур в различные жанровые образования. При анализе архетипических образов и мотивов в повести «Котлован» опора осуществляется на концепцию архетипа, разработанную Е. М. Мелетинским (1994), в частности на понимание архетипа как глубинной мифологической структуры, сохраняющейся в литературе XX века в преобразованном и нередко инвертированном виде. Исследования Е. С. Михайловой (2014) используются для уточнения специфики сказочной поэтики в литературном тексте и механизмов ее переосмысления в авторской прозе. Работы У. Зелина (吴泽林, 1990), Я. В. Солдаткиной (2009), М. В. Хорьковой (2010), Н. Ю. Головановой (2014), Н. Ю. Абузовой (2016) составляют теоретическую основу анализа художественного стиля А. П. Платонова. В них заимствуется представление о платоновском тексте как о пространстве философской рефлексии, в котором фольклорные и мифологические элементы выполняют не декоративную, а смыслообразующую функцию. Эти положения используются для интерпретации сказочных архетипов в «Котловане» как средства критического осмысления утопического мифа и коллективного идеала.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов и выводов при написании курсовых и выпускных квалификационных работ, а также научных статей, посвященных творчеству А. П. Платонова и проблемам взаимодействия фольклорной традиции и литературной прозы XX века. Разработанные в статье подходы к анализу сказочных архетипов и механизмов их художественной трансформации могут быть применены в дальнейшем изучении поэтики художественного текста.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин «История русской литературы XX века», «Поэтика художественного текста», «Мифопоэтика и фольклорные традиции

в литературе», а также в специальных курсах и семинарах, посвященных творчеству А. П. Платонова и проблемам интерпретации литературного текста.

Обсуждение и результаты

Творчество Андрея Платоновича Платонова (1899-1951) остается одним из самых загадочных явлений русской литературы XX в., органично сочетая реализм, модернизм, утопические и антиутопические идеи. Его произведения представляют собой сплав лингвистических экспериментов, философской глубины и социальной критики. Китайский ученый У Зелинь (吴泽林, 1990, с. 47) в статье «Предварительное исследование художественного стиля Платонова» анализирует стилевые особенности творчества писателя. Традиционный язык, по его мнению, не достаточен для уникального художественного мира А. П. Платонова, поэтому он создал собственный язык, перед которым читатели часто испытывают растерянность и недоумение.

Действительно, столь новаторское творческое мышление и уникальный художественный стиль А. П. Платонова не находили понимания в современном ему исторический период, возможно поэтому большая часть его замечательных произведений была запрещена к публикации при жизни писателя. Однако сегодня, спустя десятилетия, произошел коренной пересмотр его наследия. Как в России, так и за рубежом А. П. Платонова признают одним из самых значительных писателей XX в. Современные исследователи ценят в его творчестве не только мощный гуманистический пафос и предвидение исторических трагедий, но и уникальный язык, который теперь рассматривается как самоценный художественный вклад в мировую культуру. Его наследие стало неотъемлемой частью мировой литературы, а его философские идеи, опередившие эпоху, находят живой отклик у читателей и ученых по всему миру.

А. П. Платонов глубоко размышлял об истоках своего литературного творчества. Он отмечал: «Мифы, исторические и современные факты и события, бытовые действия, запечатленная воля к лучшей судьбе – все это, изложенное тысячами безымянных, но живых и красных уст, сотнями “сухих”, но бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг, будет полуфабрикатами для литератора, так как это все сделано ненарочно, искренно, бесплатно, нечаянно – и лучше не напишешь: это оптимум, это эквивалент в 100% с жизнью, преломленный и обогащенный девственной душой» (Платонов, 2011b, с. 49). Все в жизни, по мнению А. П. Платонова, будь то реальные исторические события или мифы, может служить источником вдохновения для писателей. Не составляют исключение и сказки.

Как отмечает Я. В. Солдаткина, «платоновский неомифологизм рассматривается не как имманентное проявление “мифологического сознания”, но как творческая установка на создание мифопоэтического текста, использующего в преобразованном виде не только различные мифологические образы и мотивы, но и мифопоэтические приемы, средства художественной выразительности, свойственные фольклорным произведениям, христианской художественной системе» (2009, с. 37). Она подчеркивает, что этот текст создается писателем «в ответ на формируемый эпохой соцреалистический миф» (Солдаткина, 2009, с. 37). Таким образом, фольклорные элементы выступают не только одним из источников творчества А. П. Платонова, но и эффективным инструментом выражения его творческой мысли.

Интерес А. П. Платонова к сказке не случаен. Самым ранним произведением писателя в жанре сказки является «Вера, Знание и Сомнение», написанное в 1921 году (Хорькова, 2010, с. 155). В 1940 г. А. П. Платонов опубликовал в журнале «Детская литература» статью «“Малахитовая шкатулка” П. Бажова», в которой анализировались происхождение, значение и художественные особенности уральских сказов (Платонов, 2011b, с. 445-450). В 1949 г. А. П. Платонов опубликовал в журнале «Огонек» статью «Сказки русского народа» (1949). Он высказал свое отношение к литературной обработке народных сказок, считая, что это направлено на защиту драгоценного национального наследия. В поздний период творчества А. П. Платонов начал пересказывать народные сказки – как из необходимости зарабатывать на жизнь (после публикации рассказа «Возвращение» (1946) он столкнулся с жесточайшей критикой, потом А. П. Платонову запретили публиковать свои произведения), так и из искренней любви к фольклору.

Таким образом, интерес А. П. Платонова к народным сказкам, от ранних литературных опытов через теоретическое осмысление до поздней практики пересказа, является убедительным основанием для утверждения, что этот аспект национальной культуры не только привлек его внимание, но и стал живым источником вдохновения, предоставив уникальный материал для его философских и эстетических размышлений о мире и человечестве. Е. М. Неёлов (1986, с. 6-7) на материале научной фантастики обосновывает, каким образом волшебство-сказочные структуры проникают и трансформируются в жанре, казалось бы, далеко от фольклорной традиции. Выявленный теоретический механизм позволяет предположить, что фольклорно-сказочные структуры способны сохраняться и в других литературных жанрах. В свете этого положения их присутствие в прозе А. П. Платонова – писателя с устойчивым интересом к народной культуре – представляется не случайностью, а теоретически закономерным явлением.

Повесть А. П. Платонова «Котлован» – одно из самых ярких произведений-антиутопий XX в., вобравшее в концентрированном виде особенности художественного мира писателя: необычный языковой стиль, абсурдный сюжет и глубокие философские мысли. Исследование архетипов в повести «Котлован» является одним из актуальных направлений в современном литературоведении. В книге «О литературных архетипах» русский филолог Е. М. Мелетинский (1994, с. 3) указывает, что понятие «архетип» было введено в современную науку К. Г. Юнгом, основателем аналитической психологии. К. Г. Юнг понимал его как структурные

модели и предпосылки образов, концентрированное выражение психологической энергии. На этой основе Е. М. Мелетинский дал определение архетипа в литературоведении, полагая, что архетип – это «первичные схемы образов и сюжетов, составившие некий исходный фонд литературного языка, понимаемого в самом широком смысле» (1994, с. 10). Анализируя применение мифологических архетипов в повести «Котлован», Н. Ю. Абузова (2016) замечает, что структура повести построена вокруг архетипического мотива «странствия». Этот архетип – основа для развития сюжета и экзистенциального состояния главного героя (бесцельное странствие Вощёва); образ «острова» в повести соответствует мифологическому архетипу «мира», «остров», отрезанный от остального мира, символизирует трагическую пропасть между утопическими мечтами и реальностью (Абузова, 2016, с. 75-80).

Архетипичность образов приближает «Котлован» к поэтике сказки. В. Я. Пропп (2001, с. 26-61) выделил семь архетипов персонажей, которые повторяются из сказки в сказку: герой-искатель, отправитель, антагонист, даритель, чудесный помощник, похищенный герой, ложный герой. Герой-искатель типичен и часто встречается в народных сказках. Структура народной сказки строится вокруг мотива поиска, своеобразного «квеста», то есть вокруг пути, что закаляет характер героя-искателя и ведет его к взрослению. Формула «квест» по отношению к поэтике сказки используется вслед за Е. С. Михайловой (2014, с. 623), которая обобщила распространенную структурную модель в народных сказках. Согласно ее исследованию, квест как структура сказки включает следующие элементы: цель, этапы со своими внутренними задачами и итог. Возьмем в качестве примера классическую сказку «Царевна-лягушка» (№ 269) в обработке А. Н. Афанасьева (1985, с. 260-263): цель – спасение Василисы Премудрой, этапы – выполнение заданий царя, встреча с медведем, селезнем, зайцем и щукой, добывание волшебного предмета для победы над Кощеєм, успешный итог – победа над злом и обретение семьи.

Целью «квеста» Вощёва является не какой-то материальный объект, а абстрактная, но от этого не менее важная идея – обретение смысла существования в новом мире:

«– *Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, – сказали в завкоме. – О чем ты думал, товарищ Вощёв?*

– *О плане жизни.*

– *Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или красном уголке.*

– *Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка»* (Платонов, 2011а, с. 71).

Этот диалог ярко показывает, что его «задумчивость» была направлена на поиск всеобщего смысла, а не личного благополучия. И Вощёв чувствует, что «без истины стыдно жить» (Платонов, 2011а, с. 92). Этапами его пути становятся прибытие на котлован, каторжный труд там, а затем переход в деревню для помощи в коллективизации.

Каждый из этих этапов представляет собой внутреннюю задачу: физическое участие в строительстве будущего и идеологическое уничтожение прошлого. Однако итогом этого квеста становится страшная инверсия сказочного финала. Вместо обретения истинной и счастливой жизни Вощёв и другие рабочие приходят к экзистенциальному краху. Котлован, который должен был стать фундаментом светлого будущего (своего рода «сказочного дворца»), превращается в могилу для девочки Насти – символа этого самого будущего.

Таким образом, А. П. Платонов использует сказочную структуру, но завершает произведение антисказочным финалом, чтобы подчеркнуть трагический разрыв между утопической мечтой и жестокой реальностью.

Как известно, в народных сказках существуют два типа героя-искателя: богатырь и дурак (Трубецкой, 1922, с. 29). Богатырь достигает цели осознанными действиями: силой, волей и прямым действием. Он находит истину в битве, например, Илья-Муромец (сказка «Илья Муромец и змей» А. Н. Афанасьева). Дурак отличается абсурдным мышлением и языком. В отличие от богатыря, дурак часто добывается цели пассивно: ему помогает собственная доброта, чистота сердца и сама судьба, например, Иван Бесталанный (сказка «Иван Бесталанный и Елена Премудрая» А. П. Платонова).

Вощёв – трагический искатель, намеренно выведенный за рамки этих традиционных типов. Он не богатырь, «*Вощёв лежал в сухом напряжении сознательности и не знал – полезен ли он в мире*» (Платонов, 2011а, с. 71), ему не хватает решительности, мужества и абсолютной уверенности, он сомневался в собственной ценности и глубоко размышлял о жизни. Герой произведения и не дурак, так как лишен иррациональной веры и, наоборот, мучительно ищет рациональный смысл.

Как своеобразный антипод-двойник Вощёва в повесть введен Медведь-кузнец – фантастический персонаж, олицетворяющий слияние фантазии и реальности. Медведь-кузнец по биологическим признакам обладает характеристиками дикого животного, он наделен зооморфной внешностью и чудовищной силой. Однако с точки зрения социальных признаков он уже не является инстинктивным «животным», так как приобрел человеческие черты. В контексте повести его образ может быть прочитан как сложная пародийная трансформация архетипа волшебного помощника. По определению В. Я. Проппа (2000, с. 139), волшебный помощник – это персонаж, помогающий героям преодолевать трудности и выполнять свои задания. В народных сказках эти помощники принимают различные обличья: животные, растения и волшебные предметы.

В повести «Котлован» А. П. Платонова функция медведя-кузнеца как помощника проявляется в том, что он помогает строителям находить «классовых врагов». Однако волшебный помощник из народной сказки претерпел в повести «Котлован» существенную трансформацию: медведь как волшебный помощник в народных сказках представляет собой классический пример тотемного животного, чья сила служит добру и восстановлению справедливости. Например, в сказке «Царевна-лягушка» (№ 268) медведь играет роль животного-помощника, помогая главному герою выполнить задание, что приводит к счастливому финалу:

воссоединению главного героя со своей женой (Афанасьев, 1985, с. 263-264). Он олицетворяет мощную, первобытную силу природы, благотворную добросердечному герою.

В «Котловане» эта сила поставлена на службу абсурдной и жестокой социальной механике: поступок медведя-кузнеца, который помог строителям котлована найти их «классовых врагов», не привел к счастливому финалу. Абсурдный сюжет, в котором память и обоняние медведя помогают найти кулаков, а не реальные доказательства, становится у А. П. Платонова инструментом критики радикальных политических движений. После ликвидации кулаков члены колхоза обратили свое недовольство на медведя. Они недовольны неправильным закаливанием железа, считают, что это пустая трата коллективной собственности:

«Всю свою яростную безмолвную радость он (медведь-кузнец) расходовал в усердие труда <...> Елисей, когда присмотрелся, то дал молотобойцу совет:

– Ты, Миш, бей с отжошкой, тогда шина хрустка не будет и не лопнет. А ты лупишь по железу, как по стерве, а оно ведь тоже добро! Так – не дело <...> Однако и другие мужики тоже не могли более терпеть порчи <...>

– Вычеркнуть его надо из колхоза, и боле ничего. Аль нам убытки терпеть: на самом-то деле <...> будто, если нет кулачества, так медведь один есть на свете» (Платонов, 2011а, с. 157-158).

Эта сцена метафорически воплощает ключевую идею антиутопии в творчестве А. П. Платонова. Медведь-кузнец оказывается не магическим спасителем, а таким же слепым орудием и в итоге – жертвой системы, которая пожирает своих самых усердных «помощников». Таким образом, архетип волшебного помощника подвергается полной деконструкции: помощь оборачивается соучастием в насилии и, в конечном счете, – самоуничтожением.

Особое значение в повести имеет Котлован — «воплощение мечты о социализме» (Голованова, 2014, с. 100), прекрасное видение нового мира для всех строителей, включая центрального героя Вощёва. Такой идеальный «новый мир», где все могут быть счастливы, – это пародия на сказочный архетип «иноного царства».

В работе ««Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» русский философ Е. Н. Трубецкой (1922, с. 29) утверждает, что стремление сказочного искателя – это не просто путешествие за тридевять земель, но, по своей сути, метафизический поиск «иноного царства». Этот путь есть глубокая духовная тяга к запредельному миру, царству абсолютной правды и чуда, лежащему за гранью видимого бытия.

Эта мысль находит удивительный отклик в судьбе главного героя «Котлована». Автор отправляет Вощёва в ту же метафизическую дорогу – в поиск некоего «иноного царства», которое в контексте эпохи обретает форму всеобщего счастья, смысла существования и грядущей утопии.

В народных сказках стремление главного героя завладеть «иным царством» часто заканчивается успешно, а Вощёв ищет душу и истину в мире, строящем утопию через абсурд и насилие, и поэтому его поиск обречен с самого начала. Платоновский герой-искатель оказывается анти-искателем, чье странствие ведет не к «иному царству», а в экзистенциальный тупик котлована: *«Вощёв стоял в недоумении над этим утихим ребенком, — он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатленье? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхож-денья, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем»* (Платонов, 2011а, с. 170). Смерть Насти, маленькой девочки, символизирующей «будущее», заставляет его задуматься о возможности существования нового мира в будущем, а также о существовании истины.

Таким образом, анализ ключевых образов и мотивов повести А. П. Платонова «Котлован» позволяет подвести промежуточный итог о том, что сказочная поэтика в данном произведении выполняет системообразующую функцию. Сказочные архетипы и сюжетные модели не воспроизводятся в их традиционном виде, а последовательно трансформируются и инвертируются, утрачивая телеологическую направленность и утешительный потенциал, характерные для фольклорной традиции. Показательно, что образы героя-искателя, волшебного помощника и «иноного царства», сохраняющие внешнюю узнаваемость, в художественном мире «Котлована» перестают выполнять функцию смыслового разрешения конфликта. Напротив, их деформация служит средством философской и социальной рефлексии, раскрывая критическое отношение писателя к утопическому проекту эпохи. Тем самым сказочная структура становится не моделью обретения, а формой художественного осмысления экзистенциального и исторического кризиса.

Заключение

В ходе проведенного исследования были получены следующие выводы.

Анализ повести А. П. Платонова «Котлован» показал, что в ней последовательно актуализируется система сказочных архетипов и мотивов, восходящих к поэтике русской народной сказки. Образы героя-искателя, волшебного помощника и «иноного царства» выполняют структурно значимую роль в организации сюжета и образной системы произведения, задавая узнаваемую фольклорную модель повествования.

При этом очевидно, что указанные сказочные архетипы в художественном мире «Котлована» подвергаются глубокой трансформации и инверсии. Сопоставление Вощёва с искателем из народной сказки, медведя-кузнеца – с волшебным помощником, а утопического идеала – с образом «иноного царства» показывает, что традиционные фольклорные модели утрачивают свою телеологическую и утешительную функцию. Поиск героя оборачивается экзистенциальным тупиком, а «магический посредник» лишается созидательной силы и становится частью абсурдного и разрушенного мира.

Трансформация сказочной поэтики служит у А. П. Платонова средством философско-критического осмысления утопического мифа. Используя структуру народной сказки, писатель не утверждает возможность

обретения идеального мира, а, напротив, разоблачает утопические иллюзии эпохи. В отличие от счастливых финалов фольклорных текстов, в «Котловане» сказочная структура становится матрицей повествования о тотальной утрате и крушении коллективного идеала.

Таким образом, сказочные архетипы являются неотъемлемой частью художественного мира А. П. Платонова и важным инструментом его авторского мышления. Пародийное переосмысление квеста и ключевых архетипов позволяет писателю через диалог с фольклорной традицией выявить трагический разрыв между утопической мечтой и реальностью, тем самым сформировав уникальную художественную систему, в которой сказка становится способом постижения фундаментальных противоречий эпохи.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с возможностью расширения анализа сказочной поэтики на другие произведения А. П. Платонова, а также с сопоставительным изучением трансформации фольклорных архетипов в прозе других писателей XX века. Перспективным направлением представляется также исследование взаимодействия сказочных, мифологических и утопических моделей в литературе советского периода в более широком культурно-историческом контексте.

Материалы исследования | Research materials

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 2 т. М.: Наука, 1985. Т. 2.
2. Платонов А. П. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2011а. Т. 3.

Источники | References

1. Абузова Н. Ю. Мифопоэтика повести А. П. Платонова «Котлован» // Культура и текст. 2016. № 4 (27).
2. Голованова Н. Ю. Тема социалистического строительства в повести А. П. Платонова «Котлован» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 13 (13).
3. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994.
4. Михайлова Е. С. Квест как структура сказки // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2.
5. Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / научн. ред., текстологический комментарий И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000.
7. Пропп В. Я. Морфология русской волшебной сказки / отв. ред. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001.
8. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., комментарии Н. В. Корниенко; подгот. текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011б.
9. Солдаткина Я. В. Мифопоэтика русской эпической прозы 1930-1950-х годов: генезис и основные художественные тенденции. М.: Экон-Информ, 2009.
10. Трубецкой Е. Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М.: Издательство Г. А. Лемана, 1922.
11. Хорькова М. В. О специфике сказок А. П. Платонова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
12. 吴泽林. 普拉东诺夫艺术风格初探 // 苏联文学. 1990. 第5期 (У Зелин. Предварительное исследование художественного стиля Платонова // Советская литература. 1990. № 5).

Информация об авторах | Author information

Лю Юэ¹

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Yue Liu¹

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

¹ liuyue159@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.01.2026; опубликовано online (published online): 13.03.2026.

Ключевые слова (keywords): сказочный архетип; трансформация архетипа; антиутопия А. П. Платонова; реинтерпретация фольклора; антисказочный финал; fairy tale archetype; archetype transformation; A. P. Platonov's dystopia; folklore reinterpretation; anti-fairy tale ending.